

УДК 81-26

**СКАЗАНИЕ АФРОДИТИАНА В ТОЛСТОВСКОМ СБОРНИКЕ
XIII в.: ЛЕКСИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ И ПРОБЛЕМА
ЛОКАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА**

Я.А. Пенькова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, 119019, Россия

Аннотация

Статья посвящена лексическим особенностям Сказания Афродитиана, древнеславянского апокрифа, переведенного с греческого, содержащегося в древнейшем Толстовском списке XIII в. Впервые с учетом греческого оригинала подробно описывается редкая лексика, встречающаяся в Сказании Афродитиана, а также соотношение лексических дублетов, характерных для преславской и кирилло-мефодиевской традиций. Показано, что преславская лексика преобладает, однако в рамках текста существуют и синонимические варианты, относящиеся к кирилло-мефодиевской традиции. Такой анализ позволяет очертить круг древнеславянских памятников, которые близки к тексту Сказания в сфере употребления редкой лексики, и на основе этих наблюдений выдвинуть гипотезу о времени и месте первого славянского перевода Сказания. В сфере употребления редкой лексики Сказанию наиболее близки перевод XIII Слов Григория Богослова, Хроника Иоанна Малалы, Повесть временных лет, сочинения Кирилла Туровского и Толковая Палея. Перевод Сказания мог быть сделан южнославянским книжником, однако уже после прекращения деятельности восточноболгарского книжного центра в период зарождения книжности в Древней Руси.

Ключевые слова: Толстовский сборник XIII в., Сказание Афродитиана, лексика, славянские средневековые переводы с греческого

Настоящая статья посвящена исследованию лексических особенностей Сказания Афродитиана (далее – Сказание). Сказание представляет собой небольшой апокриф, переведенный на славянский с греческого. Древнейший полный список первого славянского перевода Сказания содержится в Толстовском сборнике XIII в., который хранится в Российской национальной библиотеке (РНБ. Ф.п.1.39). В настоящее время коллективом коллег из Казани, Ижевска и Москвы под руководством профессора Казанского университета О.Ф. Жолобова ведется работа по комплексному исследованию и электронному изданию Толстовского сборника на портале «Манускрипт»¹.

Несколько слов необходимо сказать о месте, которое занимает Сказание в составе Толстовского сборника. Данный сборник представляет собой Торжественник и композиционно делится на три части. В первой части содержатся

¹ www.manuscripts.ru.

оригинальные гомилетические сочинения Кирилла Туровского, посвященные праздникам околоспасхального цикла; во второй – переводные сочинения (Слово на Рождество Иоанна Златоуста, Сказание Афродитиана, Легенда об Авгаре и Похвала Василию Великому); третью часть занимают Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского. Сказание помещено на л. 56 об. – 62 среди текстов южнославянского происхождения, однако южнославянский сборник, который мог служить основой Толстовскому сборнику, неизвестен.

Славянский текст Сказания представляет собой перевод фрагмента греческой «Повести о событиях в Персии», в которой Афродитиан играет роль судьи в споре о вере между язычниками, христианами и иудеями. Греческий текст был создан примерно в IV в. предположительно в Сирии. Существует несколько изданий греческого оригинала, из которых самым авторитетным является критическое издание Е. Братке [1, S. 1–45].

Славянский текст Сказания состоит из двух частей. В первой части повествуется о чуде, произошедшем на Рождество Иисуса Христа в храме богини Геры в Персии. Идолы в храме заговорили друг с другом о Рождестве Спасителя и пали ниц перед богиней Уранией (богиней Источника), символизирующей Божью Матерь. Жрец Прупий и царь Кир стали свидетелями этой беседы и повелели отправить в Иудею волхвов для поклонения Мессии. Вторая часть Сказания посвящена описанию путешествия волхвов, их встрече с Божественным Младенцем и беседе с Его Матерью.

Сказанию в истории славянской книжности посвящено большое количество работ (см. [2–7] и др.). В перечисленных исследованиях основное внимание уделялось текстологии Сказания, определению числа переводов, редакций, групп списков и их соотношению между собой. Установлено, что Сказание переводилось на славянский трижды. Место и время второго и третьего славянских переводов определяются однозначно: второй, сербский перевод был сделан на Афоне во второй половине XIV – первой половине XV в.; третий, южнославянский (в составе Слова на Рождество Христово Иоанна Дамаскина) – южнославянскими книжниками в XV в. также на Афоне [7]. Вопрос о времени и месте первого, древнейшего перевода, к которому восходит древнейший Толстовский список Сказания, остается дискуссионным. Трудности локализации перевода как по текстологическим, так и по лексическим особенностям вызваны небольшим объемом этого произведения и отсутствием лексических регионализмов. П.А. Лавровский [2], П.Е. Щеголев [3] считали этот перевод восточнославянским; Ю.К. Бегунов [8], Ф. Томсон [5], А.Г. Бобров [6] – южнославянским, возникшим в Первом Болгарском царстве. Серьезных аргументов в пользу того или иного предположения так и не было предложено. Сторонники «древнерусской» версии происхождения перевода указывают на отсутствие лексических южнославянизмов. Приверженцы «южнославянской» версии полагают, что нет оснований исключать древнеболгарское происхождение перевода, поскольку характерные южнославянизмы могли быть утрачены в процессе переписки.

Текстологическая история трех переводов Сказания достаточно хорошо изучена и описана в монографии А.Г. Боброва [6]. Однако собственно языковые особенности этого текста не подвергались отдельному исследованию. Настоящая работа восполняет эту лауну. Славянский текст рассматривается

на фоне его соотношения с греческим оригиналом. В рамках редакций, восходящих к архетипу древнейшего перевода, последовательно сравниваются только самые ранние списки: русский Толстовский (далее – Т.) и сербские, датируемые XIII в., изданные А.Г. Бобровым [6]. В работе не ставится задача исчерпывающего описания лексических особенностей текста, внимание сосредоточено на наиболее любопытных, на наш взгляд, чертах, которые могут предложить ключи к ранней истории этого переводного памятника.

1. Общие принципы перевода. Перевод выполнен структурно близко к оригиналу, о чем, к примеру, свидетельствует передача греческих оборотов *genetivus absolutus* и *accusativus duplex* соответственно дательным самостоятельным и двойным винительным. Перевод почти не содержит калек, за исключением прилагательного **самозрачный**, воспроизводящего непонятное переводчику греческое *αὐτοματισμός* ‘самопроизвольный, случайный’. Греческие композиты переданы двумя способами: с помощью сложных слов (*τριώνυμος* – **треименитыи**) или словосочетаний с именем прилагательным (*φιλόπονος* – **любезнѣ тружающииса**). В переводе можно заметить некоторое количество неточностей, однако явных ошибок архетип перевода, по-видимому, не содержал.

2. Ошибки трансмиссии. Ошибочные чтения, которые имеют ранние списки Сказания, появились в них, судя по всему, уже в процессе дальнейшего бытования текста на Руси и на Балканах. В табл. 1 приведены некоторые примеры искажений. Рядом с греческой словоформой указаны два славянских варианта из древнейших списков: вариант из восточнославянского списка Т. и вариант, представленный в одном из двух древнейших сербских списков (далее – С.) того же времени (XIII в.). Для сравнения используются оба сербских списка, так как установлено, что они являются частями одного и того же списка (подробнее см. [6]). Полу жирным выделен вариант, соответствующий греческому.

Табл. 1

Ошибочные чтения в ранних списках Сказания Афродитиана

Греч.	Т.	С.
ἀνέζησεν	ожила есть	оживлаеть
ἀρχιστράτηγε	на воеводы	о воеводе (Voc.)
αἱ κινυρίστριαι	гудущии	будущая
τὸ διάδημα	вѣнецъ	звѣнць
ἔγγραφος	писания	вьписаное
τῆς τιμῆς	чьсти их	чьстьнихъ
ἔφαντάσαμεν	мечтахомъ	чтахомъ
πατέν	почтенъ	поставленъ

Количество примеров с искаженными чтениями может быть увеличено как для Т., так и для С. По-видимому, вопреки мнению А.Г. Боброва, нельзя утверждать, что какой-либо из этих древнейших списков лучше сохраняет первоначальные чтения перевода. Более поздние списки Сказания, которые принадлежат Новгородской редакции конца XIV в., согласно указанному исследованию, свидетельствуют о повторной сверке текста с греческим оригиналом, поэтому нами не привлекаются.

В качестве одного показательного примера неверной передачи текста протографа можно привести следующее написание, выявляющее восточнославянское происхождение переписчика, – **на строение** ‘создание, сооружение’: премудрыми хитростями **на строение всега** вселеныа стропь словесемь съставивь (Т. л. 58), – являющееся ошибочным исправлением неверно понятого *на трое* (греч. τρικáτοικον). Показательно, что *строение* в значении ‘создание, сооружение’ встречается только в восточнославянских памятниках, а в южнославянских употребляется лишь в значении ‘управление (домом)’.

3. Далеко не все различия между Т. и С. можно объяснить ошибками трансмиссии. Текст первого перевода Сказания, очевидно, подвергался в дальнейшем выборочной редакции, о чем свидетельствуют примеры, приведенные в табл. 2.

Табл. 2

Различия между списками первого перевода Сказания Афродитиана

Греч.	Т.	С.
κεκόλλαται	въваяно	изваяно
τὸ μελάθρον	дворов	домов
τὸ ἱερόν	в полатах	с(вя)тилѣхъ
μυριάγωνον	многа добра	мнозѣ плнь
λεχθέντων	сбесѣдовану	глаголющу
λιθοκόλλητον	камыка	камения
ἐθоруβοῦντο	плищеваху	глаголаху
ἐτόλμου	смахоу	дрьзнѣху
ἐξακολουθεῖτε	въслѣжае	послѣдствуете
ἀβούλω	безвѣстному	безумному
πρὸς τὸ κηρύττειν	якоже проповѣдѣти	на освящение и просвѣщение
χώρα	странѣ	отечества
ἀναμείνας	не премедливъ	съ тѣщаниемъ

Как видно даже из этой небольшой таблицы, время бытования различных списков первого перевода Сказания должно было быть довольно продолжительным, чтобы к XIII в. накопить достаточное количество различных чтений. А.Г. Бобров причисляет Т. и С. к разным редакциям: в основе Т. лежит, по его мнению, протограф второй группы списков, восходящий к архетипу первого перевода; в основе сербских списков XIII в. – протограф сербской редакции, восходящий к архетипу первого перевода только через протограф первой группы списков [6, с. 37].

4. В Сказании используется лексика, нейтральная в региональном отношении: в тексте нет ни специфических южнославянизмов, ни моравизмов, ни русизмов. Толстовский список и сербские списки отличаются в этом плане несущественно. Яркой чертой перевода является преобладание лексики, характерной для преславской традиции, например: *жидовьскъ*, *жидовинъ* в соответствии с греч. Ἰουδαῖος; *старѣшина* в соответствии с греч. πρῶτος; *добръ* в соответствии с греч. καλός; *жрьць* в соответствии с греч. ἱερεὺς; *коньць* в соответствии с греч. τέλος; *плищевати* в соответствии с греч. θоруβέω; *рядникъ* в значении ‘невежда’ (греческого соответствия нет); *кормити* в соответствии с греч. τρέφω; *тѣло* в соответствии с греч. σῶμα; *тѣчию* в соответствии с греч. μόνον;

мъногы в соответствии с греч. *μύριοι* (*μυρίαχρονον* – многа добра); *просто* в значении ‘случайно’ в соответствии с греч. *τὸ τυχόν*; *сановитъ* в соответствии с греч. *ἔμπρακτος* (список преславизмов см., например, [9, с. 466–469]).

Однако перевод не лишен и лексических особенностей, более типичных для кирилло-мефодиевских переводов, хотя таковых существенно меньше в сравнении с количеством преславизмов, например: *явити*, *явление* в соответствии с греч. *ἀποκαλύπτω*; *нищ* (ср. преслав. *на лица*) в соответствии с греч. *ἐπί πρόσωπον*; *въмь* (для преславских переводов характерно *въдъ*). Кроме того, в тексте сосуществуют семантические дублеты, характерные для разных традиций, ср.: *абие* и *внезапу*; *дгъля* и *ради*; *акы* и *яко* в значении ‘как будто’; *пустити* и *послати*.

Преобладание преславской лексики может указывать на восточноболгарское происхождение перевода Сказания, но не доказывает таковое, поскольку эта же лексика была усвоена и восточнославянской книжной традицией [10]. Так как текст не содержит в лексике явных региональных примет, которые служат более надежным критерием локализации перевода, можно обратиться к анализу некоторых редких лексических единиц, встречающихся в Сказании. На основе анализа употребления редкой лексики можно выдвинуть некоторые предположения о происхождении перевода, встроив текст в группу родственных в лексическом отношении памятников.

Глагол **мъчѣтати** (**мечтахомъ** – *ἐφαντάσασεν*) довольно редок в ранней славянской письменности. Он sporadически встречается в древнеболгарских памятниках и отсутствует в старославянских, однако легко может быть реконструирован, так как в них представлены производные **мъчѣтатель**, **мъчѣтание**. В древнерусских переводах и оригинальных восточнославянских памятниках этот глагол не встречается вовсе, за исключением единственного примера в Повести временных лет: бѣси же **мечтавшѣ** имь (НКРЯ). **Мъчѣтати** зафиксирован также в Цветной Триоди XIII в. (СРЯ, т. 9, с. 136). Как показано в монографии А.А. Пичхадзе, слова с корнем *мъчѣт-* характерны для переводов, сохраняющих ряд кирилло-мефодиевских особенностей в употреблении лексики [10, с. 53]. Показательно, что **мъчѣтати**, употребляющееся в Т. и в ряде других более поздних русских списков Сказания, в сербской традиции не понято и исправлено на **чѣтахомъ**.

Вьслѣжати (**вьслѣжае**те – *ἐξακολουθεῖτε*) является довольно нетипичной моделью образования глагола с данным корнем. В старославянских текстах и в ранних восточнославянских переводах и оригинальных памятниках представлена только модель **вьслѣдовати**, **вьслѣдѣствовати**, в сербском списке читается **послѣдствовать**, а **вьслѣждати/вьслѣжати**, помимо списка Т. Сказания, обнаруживается только в восточнославянском списке южнославянского перевода XIII Слов Григория Богослова (СРЯ, т. 3, с. 45). Другими редкими в письменности лексемами, общими для Сказания и перевода XIII Слов Григория Богослова, являются слово **древодѣла** ‘плотник’ и **пѣснивьць** в значении ‘певец’ (СРЯ, т. 4, с. 354; т. 15, с. 18).

Два редких слова в описании Богородицы (**кругловать** и **смагль**) сближают Сказание с древнеболгарским переводом Хроники Иоанна Малалы, более того, само описание в Сказании структурно подобно двум контекстам, описывающим женскую внешность в Хронике, ср.: сама же баше высока тѣломъ, **смагль**

блѣскъ имущи, **круговатомь** лицемь (Т., л. 61 об.); Бѣ же отроковица чиста, плъна, **круговатымь** лицемь (Хрон. кн. V, с. 7–8); Бѣ же Текомиса бѣлу утръ носящи, **смагла**, доброока, тонконоса, чръновласа, тонкымь лицемь (Хрон., кн. V, с. 9).

Намѣнити в значении ‘назвать’ также характерно для восточноболгарских текстов, употребляется в XIII Словах Григория Богослова (СРЯ, т. 10, с. 143). Кроме того, этот глагол усвоен и восточнославянской традицией, встречается в Житии Феодосия Печерского, Повести временных лет: *ѡ нихъже [не] намѣню нѣколико мужь чюдныхъ* (НКРЯ). Несмотря на то что причастие **намѣненыя** в Сказании не имеет прямого соответствия в греческом оригинале, его появление вполне оправдано контекстом и должно было присутствовать уже в архетипе перевода (об этом свидетельствуют и другие восточнославянские списки Сказания): *τὸ ἄρ ἱερὸν τῆς Ἦρας* (в храме Геры) – в кумирниці оубо **намѣненыя** Ира (Т., л. 56 об). Показательно, что в сербском списке этот контекст также не понят и заменен на предложение: *якоже Кирь царь свѣдетельствав* [6, с. 97].

Въваяти (**въваяно** *κεκόλλαιται*) ‘высечь, вырезать’: есть въ золотыхъ ковчезѣхъ **въваяно** (Т. л. 56 об.) Помимо Сказания, данный глагол встречается только в восточнославянском церковнославянском памятнике – Житии Моисея, входящем в состав Толковой Палеи (П.Т.). В старославянских и древнеболгарских текстах этот глагол не зафиксирован. В сербской редакции употреблено причастие с приставкой *из-* *изваяно*. Можно с уверенностью предположить, что именно *въваяно*, а не *изваяно* принадлежит архетипу перевода, поскольку, во-первых, другие восточнославянские списки Сказания имеют или то же чтение, или вариант без приставки (*ваяно*), во-вторых, едва ли можно объяснить замену на русской почве более понятного и распространенного *изваяно* на редкое *въваяно*, тогда как обратное исправление на *изваяно* вполне логично и допустимо.

В сфере употребления редкой лексики можно обнаружить и другие сходства между Сказанием и Палеей и, в частности, текстами из Пятикнижия, содержащимися в Палее (П.Т.). В обоих памятниках встречаются также **осклабитися** в редком значении ‘улыбнуться’, отмечаемое также в Изборнике 1076 г. (СРЯ, т. 13, с. 94), названия камней **анфраксъ** и **измарагдъ**, входящие в число 12 камней наперсника у Первосвященника и символизирующие 12 колен Израилевых. В Пятикнижии, как и в Сказании, употребляется **книгочии** – довольно редкое слово для оригинальных древнерусских текстов и древнерусских переводов (встречается помимо указанных источников только в Александрии (А.)).

Некоторые пересечения в употреблении редкой лексики можно найти между Сказанием и произведениями Кирилла Туровского, не входящими в Толстовский сборник. И в Сказании, и в сочинениях Кирилла Туровского встречаются, к примеру, такие довольно редкие в восточнославянских памятниках преславизмы, как **плищевати**, **радникъ** (Кир. Тур.), **продолжу беседу (речь)** (НКРЯ).

Таким образом, можно предварительно очертить круг памятников, близких Сказанию в употреблении редкой лексики. В него войдут довольно архаичные памятники: с одной стороны, апокрифическое Житие Моисея, по-видимому, переведенное на Руси еще в домонгольский период и изобилующее русизмами [10, с. 45], и тексты из Пятикнижия в составе Толковой Палеи, Повесть временных лет, произведения Кирилла Туровского, с другой – южнославянские переводы: XIII Слов Григория Богослова и Хроника Иоанна Малалы.

На первый взгляд, перед нами довольно разнородная группа, в которой находятся и древнерусские, и южнославянские переводы, и оригинальные сочинения восточнославянских книжников, и даже летописи. Однако их объединяет не только то, что эти тексты довольно архаичны. Появление в этом списке Повести временных лет станет менее неожиданным, если мы вспомним на указание А.А. Шахматова о наличии общих мест между Толковой Палеей и Повестью временных лет [11, с. 79]. Имя Кирилла Туровского также не выглядит нелогичным рядом с памятниками южнославянского происхождения, в частности риторическими сочинениями Григория Богослова, так как древнерусский писатель черпал свое вдохновение в том числе в такого рода литературе (см., например, [12] и другие многочисленные работы Г.С. Баранковой, посвященные творчеству Кирилла Туровского).

Можем ли мы на основании приведенных данных об употреблении редкой лексики выдвинуть предположение о происхождении перевода Сказания? Кажется, вся совокупность такого рода свидетельств всё же делает эту попытку небезнадежной. Прежде всего исключается сербское происхождение перевода, так как некоторые редкие лексемы, которые с уверенностью можно возводить к архетипу перевода, сербским переписчикам оказались непонятны. Исключается и греческое происхождение переводчика – чрезвычайно редкий, но известный случай для славянских переводов (см. [10]). Это доказывается ошибочным буквальным переводом греческого *αὐτοατισμός* ‘самопроизвольный, случайный’ с помощью кальки **самозрачный**². Отсутствие русизмов и других нетривиальных пересечений в употреблении редкой лексики между Сказанием и древнерусскими переводами позволяет также исключить восточнославянское происхождение переводчика. С преобладанием преславской лексики и, соответственно, преславским происхождением перевода для столь небольшого по объему произведения не вполне согласуется факт непоследовательного устранения кирилло-мефодиевских лексических дублетов. В то же время обнаруживается сходство в употреблении редкой лексики с памятниками, которые возникают уже после прекращения деятельности восточноболгарского книжного центра в период зарождения книжности у восточных славян [10] (см. выше комментарий к *мьчѣтати*). По-видимому, неоднородный лексический состав Сказания и особенности употребления редкой лексики указывают на то, что перевод Сказания мог быть сделан южнославянским книжником, однако уже не в Преславском книжном центре, а в Древней Руси. Этим фактом можно объяснить и отсутствие русизмов, и лексическую неоднородность текста. Предложенную гипотезу подтверждают и особенности употребления форм перфекта в Сказании, которые, с одной стороны, принадлежат архетипу перевода, а с другой – обнаруживают сходство с ранней восточнославянской, а не южнославянской традицией (подробнее об этом см. [13]).

Данная гипотеза вполне согласуется и с общими установками перевода: с одной стороны, точностью, с другой – ясностью и простотой, которые могли быть обусловлены в том числе миссионерской задачей, необходимостью создания текста для новообращенных в христианство восточных славян. Если мы под этим

² Автор благодарит Зинаиду Оборневу за указание на этот факт.

углом зрения посмотрим на весь Толстовский сборник, то обнаружим, что он в целом содержит тексты миссионерской направленности: примерно половину составляют Поучения огласительные Кирилла Иерусалимского, а в первой части – Слова и Поучения на главные христианские праздники (Пасха, Рождество и т. д.).

Благодарности. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-012-00428).

Источники

- А. – *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов: Исследование и текст. – М.: Унив. тип., 1893. – 378 с.
- Кир. Тур. – Творения Кирилла епископа Туровского, российского витии XII века // Памятники российской словесности XII в., изд. К. Калайдовичем. – М., 1821.
- Т. – Толстовский сборник XIII в. // РНБ. – Ф.п.1.39. – 184 л.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://www.ruscorpora.ru>, свободный.
- СРЯ – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука. – Вып. 3. – 1976. – 288 с.; Вып. 4. – 1977. – 403 с.; Вып. 9. – 1982. – 353 с.; Вып. 10. – 1983. – 325 с.; Вып. 13. – 1987. – 314 с.; Вып. 15. – 1989 – 285 с.
- Хрон. – *Истрин В.М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. Репр. изд. – М.: Джон Уайли энд санз, 1994. – 472 с.
- П.Т. – Толковая Палея 1477 года. Воспроизведение Синодальной рукописи № 210. – СПб.: ОЛДП, 1892. – Вып. 1. – 302 л.

Литература

1. *Bratke E.* Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden. – Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1899. – 305 S.
2. *Лавровский П.А.* Описание семи рукописей Императорской Санкт-Петербургской публичной библиотеки // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1858. – Кн. 4, отд. 3. – С. 40–46.
3. *Щеголев П.Е.* Очерки истории отреченной литературы: Сказание Афродитиана // Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности. – 1899. – Т. 4, кн. 1. – С. 148–199; Т. 4, кн. 4. – С. 1304–1344.
4. *Станчев К.* Един неизвестен фрагмент от апокрифен сборник и някои проблеми на апокрифната литература // Старобългарска литература. – 1984. – Кн. 15. – С. 126–143.
5. *Thomson F.J.* Arostypha Slavica: II // Slavonic East Eur. Rev. – 1985. – V. 63, No 1. – P. 73–98.
6. *Бобров А.Г.* Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: Исследование и тексты. – СПб.: Наука, 1994. – 170 с.
7. *Трифорова И.* Третият славянски превод на Сказанието на Афродитиан в състава на Словото за Рождество Христово от Йоан Дамаскин: Публикация по Ръкопис 2/23 от сбирката на Рилския манастир, XV в. // Кирило-Методиевски четения-2015: Юбилеен сб. – София, 2015. – С. 207–220.
8. *Бегунов Ю.К.* Новонайденное апокрифическое «Слово о звезде Ираньи» // Zeitschrift für Slavistik. – 1983. – Bd. 28, H. 2. – S. 238–257.
9. *Христова-Шомова И.* Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. – София: Св. Климент Охридски, 2004. – Т. 1: Изследване на библейския текст. – 832 с.

10. Пичхадзе А.А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 404 с.
11. Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – Т. 4. – С. 9–150.
12. Баранкова Г.С., Макеева И.И. Ораторская проза Кирилла Туровского и ее место в древнерусской книжности // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики: XVI Междунар. съезд славистов. Белград, 20–27 авг. 2018 г.: Докл. рос. делегации. – М.: ИРЯ РАН, 2018. – С. 32–51.
13. Пенькова Я.А. Перфект и аорист в Сказании Афродитиана по Толстовскому списку XIII в. // Лингвокультурологические исследования развития русского языка в условиях полиэтнической среды: опыт и перспективы: Труды и материалы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Т. 2. – С. 155–159.

Поступила в редакцию
24.07.18

Пенькова Яна Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
ул. Волхонка, д. 18/2, г. Москва, 119019, Россия
E-mail: amoena@inbox.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2018, vol. 160, no. 5, pp. 1059–1068

**The Tale of Afroditian in the Tolstovskii Sbornik of the 13th Century:
Lexical Originality and Localization of Translation**

Y.A. Pen'kova

Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019 Russia
E-mail: amoena@inbox.ru

Received July 24, 2018

Abstract

The paper discusses the vocabulary of the Tale of Afroditian, an apocryphal translation from Greek into Church Slavonic. The Tolstovskii Sbornik of the 13th century contains a full earliest copy of the Tale. The aim of the research is to study the lexical originality of the Tale and, on its grounds, to introduce a hypothesis about the time and place of the first Slavonic translation of the Tale. The former question has never deserved specific attention; the latter one remained controversial. The lexical doublets, which are the characteristics of different translation schools, and infrequent lexis, which is due to the lack of regional lexical features, i.e., no reliable evidence for the localization of this translation, have been analyzed. The vocabulary of the Tale is heterogeneous: Preslav lexis prevails, but the text reflects also some lexical features that are characteristic of other traditions. If compared with the infrequent vocabulary of other Slavonic texts, the Tale can be related to the following early Slavic texts: XIII orations of Gregory the Theologian (Nazianzen), the Chronicle of John Malala, the Russian Primary Chronicle, works of Cyril of Turov and Palea. The translation of the Tale could be made by a South Slavic scribe, however, after the East Bulgarian book center had ceased to exist, i.e., in the beginning of booklore in Old Rus'. The results of the study contribute to our knowledge of the history of Slavic medieval literature, as well as offer an approach for treating the texts, which lack regional features in their vocabulary.

Keywords: Tolstovsky sbornik of 13th century, Tale of Afroditian, lexis, Medieval Slavic translations from Greek

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (project no. 18-012-00428).

References

1. Bratke E. *Das sogenannte Religionsgespräch am Hof der Sasaniden*. Leipzig, J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1899. 305 S. (In German)
2. Lavrovskii P.A. A description of seven manuscripts from the Imperial Public Library in St. Petersburg. *Chteniya v Obshchestve Istorii i Drevnostei Rossiiskikh*, 1858, book 4, 3, pp. 40–46. (In Russian)
3. Shchegolev P.E. Essays on the history of renounced literature: The Tale of Afroditian. *Izvestiya Otdeleniya Russkogo Yazyka i Slovesnosti*, 1899, vol. 4, no. 1, pp. 148–199; vol. 4, no. 4, pp. 1304–1344. (In Russian)
4. Stanchev K. A single unknown fragment from the apocryphal compilation and some problems on apocryphal literature. *Starob'lgarska Literatura*, 1984, no. 15, pp. 126–143. (In Bulgarian)
5. Thomson F.J. Apocrypha Slavica: II. *The Slavonic and East European Review*, 1985, vol. 63, no. 1, pp. 73–98.
6. Bobrov A.G. *Apokrificheskoe "Skazanie Afroditiiana" v literature i knizhnosti Drevney Rusi: Issledovaniye i teksty* [The Apocryphal "Tale of Afroditian" in the Literature and Booklore of Ancient Russia: Research and Texts]. St. Petersburg, Nauka, 1994. 170 p. (In Russian)
7. Trifonova I. The Third Slavonic Translation of the Tale of Afroditian in the Tale of Nativity by John Damascus: Manuscript Publication 2/23 of the Rila Monastery Collection, 15th ce. *Kirilo-Methodievski Chteniya-2015*. Sofiya, 2015, pp. 207–220. (In Russian)
8. Begunov Yu.K. The newly found apocryphal "Tale of the Star of Irani". *Zeitschrift für Slawistik*, 1983, Bd. 28, H. 2, S. 238–257.
9. Khristova-Shomova I. *The Official Apostle in the Slavic Tradition of Manuscript Creation*. Vol. 1: Bible Study. Sofia, Sv. Kliment Okhridski, 2004. 832 p. (In Bulgarian)
10. Pichkhadze A.A. *Perevodcheskaya deyatel'nost' v domongol'skoi Rusi: lingvisticheskiy aspekt* [Translation Activities in Pre-Mongol Rus: Linguistic Aspect]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2011. 404 p. (In Russian)
11. Shakhmatov A.A. The "The Tale of Bygone Years" and its sources. *Trudy Otdela Drevnerusskoi Literatury*, 1940, vol. 4, pp. 9–150. (In Russian)
12. Barankova G.S., Makeeva I.I. Oratorical prose of Cyril of Turov and its place in the Old Russian booklore. *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavyanskikh narodov. Istoriya slavistiki: XVI Mezhdunarodnyy s'yezd slavistov. Belgrad, 20–27 avg. 2018 g.: Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, Literature, Folklore of the Slavic People. History of Slavic Studies: XVI Int. Congr. of Slavists. Belgrad, Aug. 20–27, 2018: Reports of the Russian Delegation]. Moscow, IRYa Ross. Acad. Nauk, 2018, pp. 32–51. (In Russian)
13. Pen'kova Ya.S. Perfection and aorist in the Tale of Aphroditian according to the Tolstovsky Sbornik of the 13th century. In: *Lingvokul'turologicheskie issledovaniya razvitiya russkogo yazyka v usloviyakh polietnicheskoi sredy: opyt i perspektivy* [Linguoculturological Studies of the Development of the Russian Language in a Multi-Ethnic Environment: Experience and Prospects]. Vol. 2. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2018, pp. 155–159. (In Russian)

Для цитирования: Пенькова Я.А. Сказание Афродитиана в Толстовском сборнике XIII в.: лексическое своеобразие и проблема локализации перевода // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2018. – Т. 160, кн. 5. – С. 1059–1068.

For citation: Pen'kova Y.A. The Tale of Afroditian in the Tolstovskii Sbornik of the 13th century: Lexical originality and localization of translation. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2018, vol. 160, no. 5, pp. 1059–1068. (In Russian)